

В. Г. Белинский

Рецензии 1835 года

В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений в 13 томах. Том первый
Статьи и рецензии 1829-1835. Художественные произведения
Издательство Академии Наук СССР, Москва, 1953
[OCR Бычков М.Н.](#)

Содержание

Четыре вымысла. Соч. Николая Лутковского
Эмилий Лихтенберг. Повесть М. Лисициной
Ледяной дом. Соч. И. И. Лажечникова
Метода всеобщего обучения Жакото
Метода Жакото, изложенная для родителей и наставников. Издал Егор Гугель
Чтения для умственного развития малолетних детей и обогащения их познаниями. Составлены
Егором Гугелем
Вечера моей бабушки, или Собрание нравоучительных детских повестей
Записки г-жи Дюкре о императрице Иозефине, о ее современниках и о дворах Наварском и
Мальмозонском

69. **Четыре вымысла.** Сочинение Николая Лутковского. Санкт-Петербург, в типографии И. Бенкена и А. Лыткина. 1834. 220. (12).

Эмилий Лихтенберг. Повесть. Соч. М. Лисициной. Издание второе без прибавлений (??!). Москва. В типографии С. Селивановского. 1835. Две части: I -- 165; II -- 88. (12).¹

Les beaux esprits se rencontrent {Остроты умников повторяются (франц.)-- Ред.} -- говорит французская пословица: правда, истинная правда! Вот два сочинения, принадлежащие особам разного пола, написанные в разные времена (последнее издается в другой раз и *без прибавлений*), сколько в них общего, сходного, родного! Добрый дедушка Лафонтен (вечная ему память!) был, для обоих них, образцом и вдохновителем, и весьма естественно, что они далеко отстоят от него в литературном достоинстве, ибо когда же подражатели бывают выше своих образцов или даже равны им?

Мне как-то совестно не познакомить вас хоть сколько-нибудь с красотами этих сочинений, этими красотами, самородными и блестящими, как алмаз! Раскрываю "Четыре вымысла" и читаю: "Подобно охотнику, пробирающемуся в теснине густого леса, Алексей желал сперва раздвинуть ветви Александровых чувствований, чтоб, так сказать, посмотреть, нет ли, в самом деле, за этими ветвями -- потаенного логовища змеи, лисицы или тетерева; потом предполагал он, в другой визит, продолжить свое любопытство; а в третий надеялся уже обстоятельно узнать, соперника ли для себя имеет он в Александре, или просто откровенного знакомца". Творец небесный! *Раздвинуть ветви чувствований и посмотреть, нет ли за ними потаенного логовища змеи, лисицы или тетерева* (уж верно глухого!); *сделать целых три визита в чувствования!* Ай, ай! да это новый элемент, кроме Августа Лафонтена, элемент восточный, ориентальный -- а я и не заметил этого! Это, точно, как будто перевод с персидского. Раскрываю "Эмилия Лихтенберга" и читаю: "-- Так по-вашему, решительно нет несчастья? -- Есть, сударь! оно, по-моему, состоит в заблуждениях и пороках людей; но от нас зависит предохранить спокойствие чистой совести, с которою никогда и ни в каких обстоятельствах жизни человек не может быть несчастлив.-- О! поверьте, сударыня, что много есть людей, которые были всегда игрушкой рока и которые даже против воли впадали в преступления.-- Не говорите мне об них; они были игрушка страстей своих".

Каково? Но теоретический догматизм еще не главное достоинство произведения г-жи М. Лисициной: у ней факты всего убедительнее. Она хочет заставить любить добро, ее герои все добры, и зато все женятся и выходят замуж по склонности, по любви и живут богато и счастливо. И посмотрите, как верен, как несомненен призыв, предлагаемый сочинительницею: когда кто-нибудь из персонажей ее романа любит глубоко, пламенно, энергически, до безумия, до исступления, и ему изменяет его любезная